

ЖИЛ-был один человек, пастух, и звали его Рип ван Винкль. И случилась с ним презабавнейшая история: заснул он как-то раз, а проснулся — и ничего не понял. Где он? Что такое? Все другие, все иное, незнакомое. Оказывается, спал бедняга Рип не день и не два, а целых сто лет, вот и очнулся век спустя! Но что делать; жить-то надо, и стал Рип принаравливать к новой жизни, в которой не очень-то много места оказалось для привычек, настроений и мыслей столетней — подумать только! — столетней давности...

Такова — вкратце — суть известной новеллы американского писателя прошлого столетия В. Ирвинга.

В одной из самых острых, самых пронзительных своих песен Юрий Кукин называет себя Рипом ван Винклем. Да, казалось бы, все в его песнях не из нашего времени, ну, хотя бы имена героев: Сказочник, Гном, Волшебник, Солдат Киплинга, Ковбой. Казалось бы, весь песенный мир Кукина насквозь условен: в этом мире «подарок — ответ на вопрос», и люди, «если им больно, не плачут, а смеются», в этом мире можно прыгать через «арки радуг» и знать, чем гордится цветок... Что общего имеет этот мир и эта «иная жизнь и берег дальний» XX века, с его взвихренными темпами, с его далеко не сентиментальными человеческими отношениями?

Впрочем, попробуем разобратся во всем по порядку.

В славные для бардовской песни 60-е годы появилось в этом течении новое имя — Юрий Кукин. Профессия — тренер по фигурному катанию (закончил институт физкультуры имени П. Лесгафта), обучал детей. Умение играть на гитаре исчерпывалось знанием минимального количества аккордов, голос — обычный, что называется, «из толпы», мелодии незатейливы и бесхитроутны. Но стихи... Это ведь всегда самое ценное и важное в авторской песне. Стихи Юрия Кукина буквально ворвались в мир бардовский, несмотря на то, что повествовали они об очень негромком — дорогах, сказках, мечтах, одиночестве, необходимости тепла и доброты. В этих стихах поражал какой-то по-детски (не потому ли, что по работе так много бывал с детьми?) пристальный, наивный и мудрый взгляд на жизнь, смесь реальности и бесконечных фантазий, опыт многих лет и удивление незнания.

Герой этих песен не был веселым бродягой, как в песнях молодого Юрия Визбора, не пытался рассказать о сложности и поэтичности любви, как герой Евгения Клячкина, не пользовался возвышенной и прекрасной лексикой Булата Окуджавы, не разговаривал с миром так четко и громко, как люди из песен Александра Го-

за туманом, воображает, что в глухой тайге — Монмартр, ведет беседы с гномом и волшебником...

Но не станем торопиться. Взглянем, как преспокойно он опрокидывает извечные каноны стандартной, книжной романтики — той, что вся в призывах метаться, искать, сражаться, подчас ничего и никого не замечая во-

за честность, за мужество (а это и впрямь мужество!) быть доверчивым, нежным и искренним — так любим мы песни Кукина.

Да, сказки. Да, детство. Не будем лишним раз повторять, как нужны они самому НТР-овскому веку. Важно другое: это песни именно нашего времени — с его предпочтением простых внешне, но сложнейших по сути структур, с его любовью к лаконичности, к легкой иронии. Все эти «данные» оказываются в поэзии Кукина. Посмотрим: вот строфа настолько глубокая и образная, что из каждой ее строки можно создать отдельный стих или песню: «Первым к вам войдет отчаянье, следом я — ваш Чарли Чаплин: жизнь, как тросточку кручу я, сделал грустные глаза...» Попробуйте обобщить смысл и суть какого-то периода жизни в нескольких строчках! Трудно? А взгляните: «30 лет — это время свершений, 30 лет — это возраст вершины, 30 лет — это время свершений тех, что раньше умами вершили. 30 лет — это время улыбок, а не плач и не смех со слезами, 30 лет — это время ошибок, за которое нет наказаний...» Вам грустно? Сумеете не тратить лишних слов, а заметить с чуть печальной улыбкой: «Ветер смекает листья, люди их втопчут в грязь, и что нет вечных истин, — вспомнишь в который раз...»

А теперь согласитесь, что стихи Кукина помогли вам.

Однажды, лет 20 тому, Булат Окуджава, давая концерт в Ленинграде, сказал: «А сейчас перед вами выступит Юрий Кукин — молодой автор, чьи песни уже на десять лет переросли аудиторию, то есть нас с вами». Кукин вообще не собирался выступать, а после этих слов страшно растерялся, не знал, что и делать, но публика — смеется Юрий Алексеевич — устроил прекрасный прием: кому хотелось взглянуть не понавившим грядущего десятилетия?

Годы доказали, что, конечно же, приняли Кукина прекрасно не из-за этого. А в замечании Окуджавы, кстати, была истина. Песни Кукина — при всей простоте их формы — необыкновенно глубоки, философичны, мудры, и чем больше их слушаешь, тем больше для себя — с огромной радостью и благодарностью — открываешь.

Как хорошо, что эти песни есть.

Н. АКСЕЛЬБРУД

НАШ КСП

В последние дни января в Горьком прошли концерты ленинградца Юрия Кукина — одного из основоположников бардовской песни.

Юрий Кукин был в Горьком около полутора десятков лет назад, но песни его по-прежнему любимы и старшим поколением, и молодежью. Кстати, последний концерт в нашем городе Кукин давал в Горьковском университете, как и много лет назад.

«РАДОСТИ ДАЙ И ПЕЧАЛИ...»

родничкого. Тем не менее, в песнях Юрия Кукина мы знакомимся с человеком, характер которого был совершенно определенным, законченным, не побоюсь сказать — гармоничным, даже в своих бесконечных сомнениях и — подчас — комплексах, которые, казалось бы, должны создавать дисгармонию. А главное — этот человек был абсолютно узнаваем. Причем он походил не на какого-то знакомого или приятеля. Он был — мы сами. Мы, в большей или меньшей степени забывшие про себя настоящих, — то есть про себя в детстве. Забывшие свое детство не как перемену его «составных»: куклы, песочницы, машинки и мечи, а как систему непреходящих ценностей, как эталон, как мироощущение, как идеологию, если хотите. А в песнях Кукина герой был — помните Экзюпери? — родом из детства, и он не расстался с ним. Он лишился инфантильности, он возмужал и объездил полстраны, он познал любовь и обман, научился ценить верность и дружбу, но на жизнь он по-прежнему смотрит «сквозь магический кристалл» детства. «Мы все родом из Кукина», — сказал один хороший человек про тех, кто любит бардовскую песню. И это не парафраз французского писателя, а совершенно самостоятельное суждение.

Так кто же он — человек из песен Кукина? Проще всего отделаться пребанальнейшим ответом: романтик! А что? Гоняется, по его же признанию,

круг. Здесь же отнюдь не героическое, не кричащее — а тихое и даже немного усталое: «Думать о других — как это просто! Вот не думать — это сложнее», здесь — «холод, дождь, мошара, жара не такой уж пустяк...». Хорошо, когда человек знает цену трудностям и все же не убегают, не боятся их. Произведем нехитрые математические действия. Приплюсуем к этим чуть скептическим строчкам стихов еще несколько иных по настроению. Вот эти: «Я не первый думаю о счастье, и вообще — я далеко не первый, первых слишком много, слишком часто...» И вот эти: «Радости дай и печали, чтобы встречал и встречали, чтобы меня понимали и чтобы все понимал я...» — и в результате мы получим пусть весьма приблизительный, но узнаваемый портрет: герой Юрия Кукина.

Надо сказать, что в песнях Кукина действует, живет практически один и тот же человек, не меняющийся ни с годами, ни с переменой обстоятельств. Подобную редкость можно видеть разве что в стихах Окуджавы, да и то осуществляемую с меньшей последовательностью. Конечно, никто не возьмет на себя смелость (да и право) утверждать, что герой песен — сам Юрий Кукин, но, как говорится, а все же, а все же... Именно за это — за предельную откровенность, даже исповедальность песен, за то, что в них — ничего приблизительного, а все точное, по-настоящему пережитое и выстраданное,